

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИМПЕРАТОРЫ

Психологические портреты

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В то время как голова Людовика XVI скатилась в корзину гильотины, русская самодержавная императрица Екатерина II еще доживала благополучно свой пышный век. Крестьянско-казацкое восстание Заволжья, задушенное ею в 1774 году, было полузабыто, и цесаревич, опальный, но ревниво мечтавший о короне, не хотел верить, что его судьба будет подобна судьбе несчастного короля. Однако и он был убит бесславно, как его коронованный «брат», правда, не всенародно, а в собственной дворцовой спальне руками пьяных гвардейцев.

В книге, предложенной вниманию читателей, я начинаю мой рассказ об императорах именно с Павла, ибо этот государь начал собою то столетие, которое было последним для романовской династии и которое носило на себе на всех этапах своего бытия печать гибели. Петербургская монархия, такая огромная и сложная, пала десять лет тому назад не случайно, конечно: ее падение было предопределено многообразными условиями — экономическими, социальными и политическими. Это дело социологов — вскрыть бесстрастным анализом те внутренние язвы, какие стали смертельными для империи. Мое задание было иное.

Я хотел написать портреты пяти царей, которые игрою исторических сил стояли в центре событий, подготовлявших крушение старого порядка. Иные ревнители этого ветхого порядка воображали, что они защищают царское самодержавие, и противопоставляли эту свою идею эгалитарному народовластию. На самом деле никакого самодержавия в петербургский период русской истории не было. Сами цари были игрушкой в руках правящих классов. И романтикам не следует тешить себя напрасно мечтою о «сыновстве» народа и о «царе-батюшке».

Император Павел верил в свое провиденциальное право быть главою не только государства, но и церкви. Эту мысль внушили ему прусские масоны, когда он был еще наследником, в надеж-

де, что могущественный русский император будет им полезен для их целей. Но безумный государь ничего не успел сделать. Однако, как это ни странно, его болезненная мечта, почерпнутая из столь двусмысленного источника, стала как бы «идеей», а потом даже и официальной доктриной нашей монархии.

Если эта идея несколько не влияла на объективный исторический процесс, зато она имела немалое значение для психологии самих государей. В моих рассказах я старался раскрыть эту внутреннюю трагикомедию павшей монархии. Вот почему в самом изложении фактов я как бы становлюсь время от времени на точку зрения самих царей.

Такова задача портретиста и психолога.

Мне кажется, наступило время, когда мы можем писать не только страстные памфлеты против поверженных монархов, но и спокойно зарисовывать их личины. События и люди красноречивы сами по себе.

Георгий Чулков

Сентябрь 1927 г.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ

I

В комнате было душно, жарко и пахло пряными духами и еще чем-то — должно быть, распаренным человеческим телом. Шторы были спущены; мерцал ночник, и, хотя был день, с трудом можно было различить в полумраке согбенные фигуры женщин в огромных кринолинах; старухи, темные и недвижные, были похожи на больших сонных птиц, которые расположились на вечерний покой. Нахохлившись, они сидели вокруг пышной колыбели, где были навалены какие-то покровы и ткани. Тут был лисий черно-бурый мех, стеганное на вате атласное одеяло, бархатное одеяло, еще какое-то одеяло, и под этой грудой задыхался на перинах крепко и плотно спеленутый младенец.

Когда молодую великую княгиню, бывшую ангальт-цербстскую принцессу, Софию-Августу-Фридрику, именованную теперь Екатериной, ввели в эту комнату, она едва не лишилась чувств от спертого воздуха и сладкого дурмана духов. Ей дали восковую свечу, и, когда княгиня решила поднять кисею колыбели, она увидела крошечное розовое личико с двумя темными и мрачными глазами, совсем не по-младенчески глянувшими на нее. Нос у младенца был смешной, как пуговица.

Это жалкое крошечное существо был будущий «самодержец всероссийский, князь эстляндский, лифляндский, курляндский, повелитель и государь царей грузинских, наследник норвежский, герцог шлезвиг-голлштинский и ольденбургский, великий магистр Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского и прочая и прочая».

С первых дней своего существования этому самодержцу пришлось испытать невыносимую духоту царской спальни. Императрица Елизавета, фрейлины и мамушки душили ребенка пеленками и одеялами, как будто желая приуготовить его к тому шарфу, который затанули ему на шее пьяные гвардейцы 11 марта 1801 года.

Кто был этот младенец? Чей был он сын? До сих пор никто этого не знает. Сам он был убежден, что Петр III, бывший герцог голштейн-готторпский, злополучный император, год кривлявшийся на русском троне и потом задушенный одним из деятелей 1726 года, был действительно его отцом. Другие сомневались в этом, предполагая, что отцом Павла был Сал-

тыков¹, любовник Екатерины. Иные уверяли, что от красивого Салтыкова не мог родиться курносый мальчик и что Екатерина родила мертвого ребенка, которого заменили новорожденным чухонцем из деревни Котлы, расположенной недалеко от Ораниенбаума.

Жизнь Павла оказалась не менее загадочной и фантастичной, чем его происхождение.

Та, которую он считал впоследствии своей матерью, редко появлялась у его колыбели. Зато императрица Елизавета навещала младенца раза два в сутки, иногда вставала с постели ночью и приходила посмотреть будущего императора. Подрастая, он привык к женщинам — к фрейлинам, к нянькам — и боялся мужчин. В 1760 году, когда Павлу не было и шести лет, Елизавета Петровна назначила камергера Никиту Ивановича Панина обер-гофмейстером при Павле. Панину было тогда сорок два года. Он почему-то казался маленькому цесаревичу угрюмым и страшным стариком. Его парик и голубой кафтан с желтыми бархатными обшлагами внушали ребенку непонятное отвращение. Он встретил своего воспитателя слезами, полагая, что теперь у него отнимут мамушек и все «веселости». Впрочем, он скоро должен был получить новые впечатления, которые заинтересовали его не менее, чем игры с няньками. Он присутствовал на спектакле, где французские актеры декламировали пышные монологи и где юные девицы танцевали прелестно, восхищая зрителей. Когда ему минуло шесть лет, иностранные посланники представлялись ему торжественно. Это было немного страшно, но он уже чувствовал, что его судьба необычайна, что он предназначен быть повелителем.

Но будущему императору надо было учиться. Грамоте его стали учить уже в 1758 году и тогда же надели на него модный кафтанчик и парик, который одна из нянь заботливо окропила святой водой.

Странный страх всегда сопутствовал Павлу с младенческих лет. Ему постоянно мерещилась какая-то опасность. Хлопнет где-нибудь дверь — он лезет под стол, дрожа; войдет неожиданно Панин — надо спрятаться в угол; за обедом то и дело слезы, потому что дежурные кавалеры не очень-то с ним нежны, а мамушек и нянюшек нет: их удалили, ибо они рассказывают

¹ Сергей Васильевич Салтыков (1722–1784) — камергер при дворе Петра III и главный фаворит Екатерины II в середине 1750-х гг.

сказки, поют старинные песни и вообще суеверны, а цесаревич должен воспитываться разумно. Ведь то был век Вольтера и Фридриха Великого¹. Тогда еще Павел не увлекался коронованным прусским вольнодумцем, и ему были милы сказки про Бабу-ягу. Впрочем, это не мешало мальчику обнаруживать способности к наукам и остроумие. Однажды после урока истории, когда преподаватель перечислил до тридцати дурных государей, Павел крепко задумался. В это время от императрицы принесли пять арбузов. Из них только один оказался хорошим. Тогда цесаревич сказал: «Вот из пяти арбузов хоть один оказался хорошим, а из тридцати государей ни одного!»

Императрица Елизавета умерла в 1761 году, когда Павлу было семь лет. Петр Федорович по своему легкомыслию не мог заняться воспитанием маленького Павла. Впрочем, однажды голштинские родственники принудили его посетить какой-то урок цесаревича. Уходя, он сказал громко: «Я вижу, этот плутишка знает предметы лучше нас». В знак своего благоволения он тут же пожаловал Павла званием капрала гвардии.

То, что случилось летом 1762 года, осталось в памяти Павла на всю жизнь. 28 июня, утром, когда Павел не успел еще сделать свой туалет, в его апартаменты в Летнем дворце в Петербурге вошел взволнованный Никита Иванович Панин и приказал дежурному камер-лакею одеть цесаревича поскорее. Впопыхах напялили на него первый попавшийся под руки камзол и потащили в коляску, запряженную парой. Лошади помчали Панина и его воспитанника к Зимнему дворцу. Маленький Павел дрожал, как в лихорадке, и, пожалуй, на этот раз для его испуга были немалые причины. В эту ночь Екатерина была провозглашена императрицей. Павла вывели на балкон и показали народу. На площади толпились простолюдины, купцы и дворяне. Проходившие гвардейцы, расстраивая ряды, буйно кричали «ура». Эти крики пугали мальчика, и он почему-то думал о том, которого считал своим отцом. В Зимнем дворце был беспорядок. Придворные и офицеры толпились в шляпах, и Павлу слышалось, что кто-то говорит «наш кривляка», «наш дурачок», и какой-то камергер, заметив Павла, дернул болтуна за рукав. О ком они говорили? О каком кривляке? О каком дурачке?

¹ Фридрих II Великий (1712–1786) — король прусский в 1740–1761 гг., заслужил репутацию вольнодумца своей дружбой с Вольтером и многими выдающимися писателями и учеными времени.

Впоследствии Павел все узнал. Он узнал, как Екатерина совершила свой победный поход во главе гвардии в Петергоф и как ее растерявшийся супруг, отрекшийся от престола, был отвезен в Ропшу. Он нашел также в бумагах Екатерины после ее смерти письмо Алексея Орлова¹: «Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться, мы его порешили...»

Но Павел не считал дураком Петра Федоровича и даже любил его. Этот человек не успел еще обидеть чем-нибудь мальчика. А Никита Иванович Панин, к которому Павел скоро привык, внушал ему искусно некоторые странные и беспокойные мысли об императрице. Нашлись и другие, которые растолковали мальчику, что после смерти Петра III надлежало императором быть ему, Павлу, а супруга удавленного государя могла быть лишь регентшей и правительницей до его, Павла, совершеннолетия. Павел это очень запомнил. Тридцать четыре года думал он об этом дни и ночи, тая в сердце мучительный страх перед той ангальт-цербстской принцессой, которая завладела российским престолом, вовсе не сомневаясь в своем праве самодержавно управлять многомиллионным народом.

Итак, надо было воспитывать наследника. Екатерина решила действовать энергично. Поклонница западной цивилизации, она решила пригласить воспитателем Даламбера. Но из этого ничего не вышло. Он отверг предложение императрицы, как отверг приглашение Фридриха Великого, который предлагал ему свое гостеприимство. Знаменитый энциклопедист, намекая на «геморроидальные колики», от которых, по официальной версии, умер Петр III, писал Вольтеру: «Я очень подвержен геморроем, а он слишком опасен в этой стране», то есть в России.

Пришлось ограничиться российскими воспитателями. Среди них был, между прочим, известный своими «Записками» Семен Андреевич Порошин², человек весьма честный и образованный. Кроме того, учили цесаревича Эпинус³ и Остервальд⁴. Павел изучал историю, географию, математику, русский язык,

¹ Алексей Григорьевич Орлов (1737–1807) — младший брат фаворита Екатерины II Григория Григорьевича Орлова.

² Семен Андреевич Порошин (1741–1769) — один из просвещеннейших людей эпохи, наставник Павла I в 1762–1766 гг.

³ Франц Ульрах Теодор Эпинус (1727–1802) — физик, академик, с 1765 г. наставник Павла I.

⁴ Тимофей Иванович Остервальд (1729–1794) — действительный тайный советник, сенатор, преподаватель и воспитатель Павла I.

немецкий, французский. Знал немного по латыни. Позднее других приглашен был в качестве преподавателя архимандрит Платон¹, впоследствии митрополит. Прежде чем назначить этого монаха учителем, его пригласили на обед ко двору, и сама императрица с ним беседовала, желая убедиться в том, что будущий воспитатель цесаревича не суеверен. Ученица Вольтера, как известно, больше всего опасалась суеверий. По-видимому, Платон с честью выдержал экзамен и был допущен как доверенное лицо к наследнику престола. Но положение его было трудное. Князь Щербатов, автор известного сочинения «О повреждениях нравов», писал между прочим, что Екатерина «закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает...». «И можно сказать, — поясняет Щербатов, — что в царствование ее и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала...» Такого же мнения о Екатерине был и вольнодумец Фридрих прусский, который был уверен, что она, притворяясь благочестивой, в сущности, вовсе не религиозна. Впрочем, строгий монах, храня веру, удивлял, однако, своим красноречием и ученостью даже скептиков. Его книги известны были в Европе. Сам Вольтер лестно отзывался о силе его проповедей. У несчастного Павла не было недостатка в разнообразных воспитателях. Известная пословица «У семи нянек дитя без глаза» лучше всего определяла его судьбу. В самом деле, кто окружал Павла? Образованный, но ленивый и не всегда искренний Панин; екатерининские вельможи, подражавшие виконтам и маркизам Людовика XVI; голштинские и прусские выходцы, застрявшие в России после бесславной гибели их царственного покровителя, — все эти люди не очень стеснялись в присутствии малолетнего наследника, и на обедах, которые ежедневно устраивал Панин, Павел слышал подчас разговоры весьма двусмысленные, смущавшие его детский ум. Те, которые не утратили еще аппетита к жизненным уладам, говорили за стаканом вина о сердечных причудах, и скоро подраставший Павел стал интересоваться любовными темами, которые в ту эпоху назывались «маханием».

За обедами велись также и политические разговоры, причем мальчик догадывался, что не все были довольны политикой Екатерины. Приходилось ему нередко слышать и цитаты из «Девственницы» Вольтера, которые комментировались придворны-

¹ Платон Левшин (1737–1812) — митрополит московский, в 1763 г. законоучитель Павла I.

ми вольнодумцами так, что мальчик невольно сопоставлял их, недоумевая, со строгими поучениями своего воспитателя Платона. О быте дворца и личности отрока Павла можно составить себе представление по дневнику его учителя Порошина. Дневник начинается как раз с 20 сентября 1764 года, дня рождения цесаревича. Ему исполнилось тогда десять лет. Архимандрит Платон произнес после обедни в назидание мальчику проповедь на тему — «В терпении стяжите души ваша». Были официальные поздравления. Потом «его высочество с танцовщиком Гранжэ менуэта три протанцевать изволил». Вечером был бал и ужин. Вот обстановка, в которой складывался характер цесаревича. Десятилетним мальчуганом ему уже приходилось выступать на торжествах и танцевать на балах не только с Гранжэ, но и с фрейлинами императрицы. Это не мешает ему иногда капризничать и даже плакать, как ребенку, и Панину приходилось «гораздо журить» воспитанника. Порошин заметил в мальчике непостоянство его симпатий. У него, оказывается, «наичеловеколюбивейшее сердце», и он вдруг «влюбляется почти в человека, который ему понравится», но так же быстро он склонен разочароваться в своем увлечении. Вся тогдашняя дворцовая повседневность проходит перед нами, и мы видим маленького Павла за уроком физики, то на балете «Наказанная кокетка», то на приеме иностранных дипломатов... В учении — особенно в математике — он делает успехи, несмотря на рассеянность, и Порошин замечает по этому поводу: «Если бы его высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то бы по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем¹».

Павел много и внимательно читает. Если иногда его суждения бывают опрометчивы, как это случилось однажды в его разговоре о Ломоносове, он всегда готов признать свою ошибку. Он, конечно, знает не только Сумарокова, Ломоносова, Державина и прочих российских пиитов, но и западных писателей. Театр Расина, Корнеля, Мольера ему хорошо известен. Он твердит наизусть монологи из «Федры», «Атали» и классических французских комедий. Он знает Вольтера. Он имеет понятие о Руссо. Он жадно читает странную и увлекательную книгу великого испанца о том изумительном рыцаре, который был

¹ Паскаль Блез (1623–1662) — французский религиозный философ, писатель, математик и физик.

так великодушен, добр, умен, храбр, благороден и так... смешон. Маленькому Павлу хочется покинуть дворец, где за ним бродят, как тени, придворные лакеи; где умный, но слишком озабоченный, самолюбивый и суетный Панин распоряжается его судьбой как опекун; где так неуютно и жутко. Ему хочется, как этому — чудаку Дон-Кихоту, уехать куда-нибудь в поисках прекрасной Дульцинеи, не боясь насмешек. За торжественными обедами, особенно когда присутствует императрица, у Павла начинается необъяснимая тоска, и он плачет, смущая иностранных дипломатов и вызывая гнев Екатерины и раздражение Никиты Ивановича. А тут, как нарочно, эти придворные обеды тянутся непонятно долго. Ему, Павлу, всегда хочется как можно скорее покончить одно дело, чтобы взяться за другое. Ему кажется почему-то, что надо спешить, что ему предстоит сделать что-то важное и что надо торопить дни: как можно раньше ложиться спать и вставать на рассвете. Если ужин затягивается на четверть часа, Павел горько жалуется, а встает так рано, что заспанные камердинеры, зевая, с трудом натягивают ему чулки и спросонья то и дело роняют подсвечники, бьют посуду, вызывая упреки цесаревича в нерадении. Почему Павел так торопится жить? Не потому ли, что жизнь страшна, особенно здесь, во дворце, где разговаривают часто о страшном? То Никита Иванович расскажет о казни Волынского¹ при императрице Анне Иоанновне, и от этого рассказа о пытках и муках на голове шевелятся волосы; то подслушает цесаревич ужасную повесть об императоре-отроке Иоанне Антоновиче², которого веселая императрица Елизавета с младенчества держала в тайных казематах крепости; то Порошин разболтает что-нибудь о деле подпоручика Мировича³, который пытался освободить этого таинственного узника в 1764 году, но, ворвавшись в тюрьму, нашел там бездыханное тело и сам за дерзость свою поплатился головой по повелению императрицы Екатерины... Что такое

¹ Артемий Петрович Волынский — государственный деятель в царствование Анны Иоанновны. В результате ложного обвинения в намерении произвести государственный переворот был казнен в 1740 г.

² Иван VI (Иоанн Антонович, 1740–1764) царствовал с 1740 по 1741 г. Был свергнут Елизаветой Федоровной, 23 года провел в одиночном заключении и был убит в царствование Екатерины II.

³ Василий Яковлевич Мирович (1740–1764) — подпоручик Смоленского пехотного полка, в ночь на 5 июля 1764 г. пытался освободить Иоанна Антоновича и провозгласить его императором, за что был казнен.

Тайная Канцелярия? Что это такое «слово и дело»? «Не входя в подробности, — рассказывает Порошин, — доносил я его высочеству, сколько честных людей прежде сего от Тайной Канцелярии пострадало и какие в делах от того остановки были. Сие выслушав, изволил великий князь спрашивать: где же теперь эта Тайная Канцелярия? И как я отвечивал, что отменена, то паки спросить изволил, давно ли и кем отменена она? Я доносил, что отменена государем Петром III. На сие изволил сказать мне: так поэтому покойный государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее?» Эти сообщения неосторожного Порошина наводили маленького Павла на мысли, которые едва ли приятны были императрице.

Во дворце говорили, впрочем, не только о страшном. Любили говорить о смешном. Но и смешное почему-то пугало сердце, и нельзя было понять, откуда этот ужас и этот смех. «Его превосходительство Никита Иванович изволил сказывать о смешных и нелепых обещаниях, какие оный Мирович делал святым угодникам, если намерение его кончится удачно. При сем рассказывал его превосходительство о казни одного французского аббата в Париже. Как палач взвел его на виселицу и, наложив петлю, толкнул с лестницы, то оный аббат держался за лестницу ногой, не хотелось повиснуть. Палач толкнул его в другой раз покрепче, сказав: сходите же, господин аббат, не будьте же ребенком. Сему весьма много смеялись». Но Павел не смеялся и ночью кричал во сне: ему представлялись широко раскрытые глаза этого аббата и губы, белые, как бумага.

Разговоры о казнях, муках, пытках сменялись разговорами о любви, о веселостях, о «махании». Павел доверчиво рассказывает Порошину свои сердечные истории. То ему нравится одна фрейлина, то другая. Он сочиняет даже стихи, при помощи, быть может, Порошина, в честь одной прелестницы:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Когда Екатерина, взяв с собою Павла, навестила однажды монастырь, где воспитывались благородные девицы, ей вздумалось мило пошутить. Она спросила Павла, не хочет ли он жить с этими девушками. Его высочество изволил ответить, что нет... Однако женское общество ему, по-видимому, нравилось более

мужского, и он охотно занимается «маханием», хотя ему еще нет двенадцати лет.

Все способствовало пробуждению в Павле чувственности, и удивительно, что в нем сохранились некоторые стыдливость и целомудрие, несмотря на все эти любовные соблазны. Впрочем, его воспитатель предсказывал прозорливо, что «он не будет со временем ленивым или непослушным в странах цитерских¹».

Сам Панин подавал пример нравственной слабости, особенно когда ему вскружила голову графиня Строганова, про которую муж говорил, что она обладает приятностями, кои другим раздаются, а ему из них ничего не достается.

«Шутя говорили, — пишет в своих записках Порошин, — что пришло время государю великому князю жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: «Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв, наемни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит». Смеялись много о сей его заботливости».

Атмосфера екатерининского двора была томная и душная. Изнеженные, избалованные и беспечные царедворцы, усвоившие охотно легкомысленную философию парижских салонов, и здесь, в Зимнем дворце, продолжали вести рассеянную и чувственную жизнь, не стыдясь своего ребяческого разврата.

Григорий Орлов, фаворит Екатерины, предложил однажды Павлу нанести визит фрейлинам. Императрица охотно допустила эту вольность. И Павел переходил из комнаты в комнату, восхищаясь девицами. После этих приятных визитов он «вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канаве повалился». Потом он делился с Порошиным своими чувствами к некоей его «любезной», которая «час от часу более его пленяет». В этот вечер он искал во французском энциклопедическом словаре слово «любовь».

¹ Т. е. в области чувственной любви. По-видимому, аллюзия на французское сочинение «Voyage de l'Innocence à l'île de Cythère» («Путешествие невинности на остров Цитеры», 1751, сведения об авторстве отсутствуют) и картину А. Ватто «Паломничество на остров Киферу» (1717). К и ф е р а / Ц и т е р а — название острова в Эгейском море, одного из культовых мест богини со святилищем Афродиты.